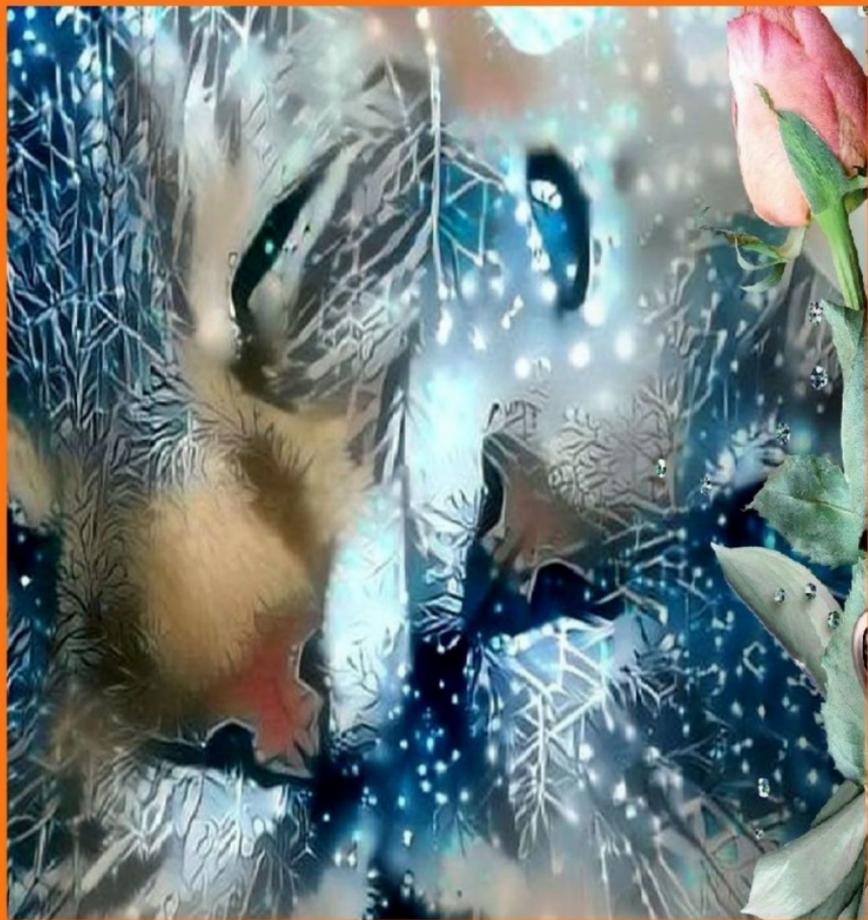

Алёна Бессонова

Нежные сказки

сборник сказок для детей

Алёна Бессонова
Нежные сказки. Сборник
сказок для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960553

ISBN 9785447426798

Аннотация

Сказки, как люди, бывают разными: радостными и печальными, мудрыми и с чужинкой. И наши сказки такие же, только в них между строчками затаилась маленькая грусть. Сказка с грустинкой – особенная сказка. Она не даст вам покоя, она хочет, чтобы вы подумали: что останется от неё потом, после того как её прочитают?

Содержание

О снежинке, которая стала звездой	6
О чём плакала сосулька	11
О степном коне Буране и чахлой кобыле Лауре	16
О странствующем альбатросе по имени Ур	24
О «картофельном» клубеньке!	34
О спичке!	40
О сосне	47
О зёрнышке	52
О кастрюльной крышке	59
О кошке и собаке	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Нежные сказки

Сборник сказок для детей

Алёна Бессонова

Сказки, как люди, бывают разными: радостными и печальными, мудрыми и с чудинкой. И наши сказки такие же только в них между строчками затаилась маленькая грусть. Сказка с грустинкой – особенная сказка. Она не даст вам покоя, она хочет чтобы вы подумали: что останется от неё потом, после того как её прочитают?

Автор

Иллюстратор Алёна Бессонова

Дизайнер обложки Алёна Бессонова

© Алёна Бессонова, 2019

© Алёна Бессонова, иллюстрации, 2019

© Алёна Бессонова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-2679-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О снежинке, которая стала звездой

Наступил первый день зимы. Молодое игривое Облако летело по небу легко, озорно заглядывая в любые мало-мальские озёрца. Озёрца покрылись тонким слоем льда и стали похожи на зеркала. Облако любовалось собою.

Оно радовалось ещё потому, что стало мамой. В его середине зародилась маленькая хрустальная капелька. Она была её деткой и называлась Снежинкой.

– Моя доченька, – думало Облако, – непросто обычная снежинка, она вырастит и станет звездой Джомолунгмы. Я не позволю ей просто выпасть на землю и растаять в конце зимы. Такая судьба не для неё. Джомолунгма – великая горная вершина будет гордиться своею звездой.

Обычно, облака превращаясь в снеговые тучи, рождают много снежинок. Только не это облако. Это решило вырастить одну снежинку, но такую, чтобы можно было ею восхищаться.

Каждое утро облако умывало доченьку туманом, поило рассветными росами. Днём прятала от жгучего солнца. Ночью качала над семью морями и четырьмя океанами. Снежинка мирно спала под протяжную песню Ветра. Снежинке снились приятные, радостные сны. В них она играла с маленькой белокурой девочкой с карими глазами. Снежинка придумала ей имя – Василиса. Это имя подарил ей Лес, над

которым они пролетали с мамой.

– Лес... лиса... Василиса, – шептали деревья.

С каждым днём капелька изменялась. На ней появились хрустальные иголки, на каждой иголочке – по золотистому шарик. Когда вечернее солнце освещало Облако, шарики загорались разноцветными огоньками, казалось, новая звёздочка появилась в небе. А когда волшебный паучок сплёл между иголочками серебристую паутинку, Снежинка стала не просто красива, а удивительно красива.

– Скоро, скоро, в конце зимы ты вырастешь, тогда я понесу тебя к вершине Джомолунгмы. Ветер поможет мне, – думало Облако.

Всё было бы хорошо, если бы остальные облака-тучи не взъелись на него. Они считали Облако лентяйкой, зазнайкой, вертихвосткой.

– Подумаешь, какая цаца! Носится со своей Снежинкой, – фырчали облака-тучи. – Мы тут работаем, тягаем тяжеленные мешки со снегом, а это летает по небу как пёрышко. И Ветер ему не указ. Нам Ветрило все уши прожужжал:

– Сбросьте снег на поле! Пусть земля укрывается – весной талой воды напьётся. Больше золотого колоса взойдёт. Про неё – ни гу-гу.

Облако не прислушивалось к гневному шёпоту туч, оно порхало по небу, любовалось своей доченькой.

– Недолго осталось, родная моя, – говорило облако Снежинке. – Как только Ветер закончит свою работу – полетим

на вершину Джомолунгмы, без него не доберёмся. Ты расти, расти, моя красавица...

* * *

Зиме оставалась последняя неделька, когда тяжёлая грозовая Туча подползла к городу. Огромные мешки снега утомили её, она искала, куда их сбросить. Ветер гнал её на поля, но Туча была так сердита, неповоротлива и стара, что не хотела подчиняться Ветру. Она сбросила свой последний снег на город.

На беду, Облако пролетало мимо.

– Что же вы делаете, уважаемая Туча? Зачем засыпали город? Завтра люди опоздают на работу. Дорог совсем не видно! – заметило Облако.

Туча, не говоря ни слова, выхватила молнию, ударила ею Облако, расколола его пополам. Снежинка выпала и полетела на землю. А Облако, сжавшись от горя, начало таять. Остался от него один маленький кусочек.

Снежинка летела на землю, зажмурив от страха глаза. Она упала прямо на варежку маленькой девочке.

– Мама, мамочка, посмотри, Облако потеряло Снежинку! Какая красивая! – крикнула она.

Снежинка открыла глазки и увидела Василису – девочку из своего сна. Она ласково смотрела на неё. Снежинка перестала бояться. Она знала: Василиса не сделает ей ничего

плохого. Мама девочки тоже подивилась красоте Снежинки.

– Жалко только, Васюшка, скоро растает твоя Снежинка, – грустно вздохнула она. – Видишь, из облака идёт не снег, а дождь. Оттепель!

Василиса (по-маминому – Васюшка) подняла голову, посмотрела на Облако, вернее, на то, что от него осталось:

– Не плачь, Облако, не плачь! Я сохраню твою дочку. Прилетай в следующую зиму!

В дом Василиса ворвалась как вихрь, надо было успеть! Она подбежала к морозилке, открыла дверцу и быстро, вместе с варежкой, сунула Снежинку внутрь. Каждый день девочка подсаживалась к морозилке, разговаривала со Снежинкой, не давала ей скучать.

– Знаешь, я видела тебя во сне, – говорила Василиса. – Ты была большой и прекрасной, совсем как сейчас. Ты лежала на самой высокой горной вершине, на Джомолунгме. Освещала путь альпинистам и тем, кто заблудился в горах. Указывала путь пролетающим самолётам, заменяла солнце в пасмурный день. Ты была звездой Джомолунгмы!

Снежинка слушала, улыбалась. Как хорошо, что они нашли друг друга!

* * *

Лето пробежало быстро. Осень тянулась долго, нудно, с дождями и слякотью, с холодными туманами и утренними

заморозками. Но как бы ни хотела осень задержаться, пришёл и ей конец. День, когда на землю лёг снег, был морозным и солнечным. Облако висело над домом Василисы. Оно волновалось, сможет ли Василиса узнать его среди тысячи облаков! И оно решило притвориться жирафом: может это поможет ей. Васюшка выбежала на улицу, посмотрела на небо: там было облако, похожее на жирафа.

– Нет, это не моё облако, оно не может быть жирафом! – подумала Васюшка.

Облако притворилось медведем.

– И медведем тоже!

Облако притворилась куклой Барби.

– А уж куклой Барби тем более! Моё облако особенное! – крикнула Василиса.

И тогда Облако улыбнулось. Его улыбка растеклась по небу, наполнила день радостью и покоем. Василиса тоже улыбнулась. Она узнала его.

– Вот твоя дочка! – девочка протянула руку с открытой ладонькой. – Возьми, пусть вырастет до большой звезды.

Ветер подхватил Снежинку, понёс на Облако.

– Я буду звездой Джомолунгмы! – кричала Снежинка. – Приходи в гости, Василиса, тебе по силам покорить вершину самой высокой горы в мире!

– Так оно и будет, – подумал Ветер, опуская Снежинку на Облако. – Девочка с таким добрым сердцем сможет многое. Они обязательно встретятся!

О чём плакала сосулька

Сосулька висела на самом краешке крыши дома и злобилась. Злобилась так сильно, аж звенела! Она была огромная, длинная, толстая с угрожающим видом. Хорошо, что висела над клумбой, а не над пешеходной дорожкой. Пришибла бы кого-нибудь, точно!

– Что ты такая злая? – спросил присевший возле печной трубы Ветер. – Никого не пожалеешь, никому не радуешься!

– А кто здесь чему радуется? Кого жалеет? – заворчала Сосулька.

– Смотри, соседки твои, такие же сосульки, как ты, – кивнул Ветер, – видят, как человек поскользнулся, как кошка мёрзнет, как птички зимой голодают. Сделать ничего не могут, так хоть пожалеют, поплачут. А ты только пыhtiшь и пухнешь от злости. Эвон, какое брюхо наморозила!

– Что я вижу от них хорошего? – злобно огрызнулась сосулька. – От человеков этих?! Они меня палкой сбивают. От кошек?! Они об меня когти свои точат. От птичек? Они на меня гадят! Чему я должна радоваться? Вишу здесь одинокая. Никому не нужная. Всеми обруганная! Вот накоплю тяжёлой воды, грохнусь с радостью какой-нибудь собаке на голову. Пусть разобьётся! Хоть удовольствие получу, похихикаю звонкими осколочками.

– Тьфу, гадкая какая! – разозлился Ветер. – Сердца у тебя нет! погоди, попрошу солнышко, направит оно свои горячие лучи, расплавят они тебя, в мокрую лужу превратят!

– Ха-ха! – зазвенела сосулька. – Испугал! Сердца у меня нет! Нет! Оно мне не положено. Сосулька я. Забыл, что ли? И в мокрую лужу не превратишь. Не доберётся до меня твоё солнышко! Видишь печную трубу? Тень её, защита моя, с какой бы стороны Жарило ни подкралось, а ужалить не получится! С тенью не поборешься!

Сильно расстроился Ветер, раскрутился юлой и полетел на облако. Солнышко тоже закрылось тучкой. День помрачнел и скукожился. Маленькие облачка-тучки без солнышка по небу разбрелись, друг друга потеряли и расплакались.

Вдруг прямо под сосулькой открылась оконная форточка. Песня, которая выпорхнула из неё, была красивая и грустная. Сосулька замерла:

– Что это? Кто поёт? – спросила она.

– Кто поёт? – закричала она громче.

– Кто поёт? – завопила она что было сил.

– Птичка поёт, – обиженно отозвался Ветер. – Соловей!

– Почему так грустно? – тихонько спросила Сосулька, боясь спугнуть песню.

– О доме, о детках скучает! – ответил Ветер.

– Какой он, расскажи? – попросила Сосулька

– Маленький, серенький. На воробышка похож, только меньше...

– Почему не улетает? – прошептала сосулька.

– В клетке поёт! Не может улететь. Железные прутья не пускают. Железные двери, – сказал Ветер и загрустил ещё

больше, а про себя подумал, – день не удался. Пойду, высплусь. Может, завтра распогодится.

Наступила ночь. В темноте Сосульку одолевали грустные мысли. Жалко ей стало маленькую птичку. Первый раз в жизни стало ей кого-то жалко. Услышала Сосулька, как у неё внутри зарождается незнакомый звук, как будто маленький молоточек стучит.

– Неужели это сердце во мне проснулось? – удивилась Сосулька. – Значит, оно было? Оно просто спало?!

С этого дня Сосулька стала ждать, когда откроется форточка. Очень ей хотелось вновь услышать дивную песню. С этого дня Сосулька стала плакать. Как услышит песню, так и заливается крупными слезами – каплями.

Слёзы сосульки падали прямо на клумбу. Это были не простые слёзы, а слёзы жалости, и были они вовсе не холодными, а тёплыми. Клумба начинала оттаивать. Наступила весна. День ото дня песня соловья становилась всё грустнее и грустнее. Слёзы Сосульки всё крупнее и крупнее. Они напоили зёрнышко, прятавшееся от морозов в земле клумбы.

Зёрнышко зашевелилось. В нём появился маленький зелёный росток, он сначала робко, а потом всё сильнее и сильнее пробивался наружу и, наконец, вылез.

– Мама! – закричала девочка из окна, на котором стояла клетка с соловьём. – Смотри, наша клумба зацвела! Какие замечательные сильные побеги!

Мама девочки перегнулась через подоконник и посмотре-

ла вниз.

– Правильно! – сказала она. – Они и должны быть сильными, сосулька над ними растаяла, полила их талой водой. Талая вода, доченька, самая полезная для растений. Молодец, сосулька!

Истекая последними каплями, Сосулька услышала, как её в первый раз в жизни похвалили.

Чуть позже на клумбе выросли цветы, они источали такой чарующим аромат, что прохожие останавливались подышать волшебным воздухом.

Однажды утром, окно с соловьём вновь отворилось, девочка открыла дверку клетки и выпустила птичку на волю.

– Лети домой! – сказала она. – Весна! Теперь не замёрзнешь!

Если бы Сосулька видела, с какой радостью упорхнул на свободу соловей, она была бы счастлива.

Зато всё видел Ветер:

– В следующую зиму, – подумал он про себя, – обязательно расскажу Сосулке. Пусть знает, что слёзы сострадания обязательно согревают чьё-то сердце.

О степном коне Буране и чахлой кобыле Лауре

Буран родился в свободной степи свободным конём. Его спина никогда не чувствовала седла, а голову не опутывала узда. Табун, в котором Буран был вожаком кочевал по степи

к морю, от моря в степь. Море Буран любил больше. Он похож был на большую волну: огромный, тёмно-серый, с серебристой гривой, полыхающей белыми бурунчиками кудрей. Только в глазах его поселилась тоска, поселилась и не ушла.

– Прогони её, Буран! – однажды сказал коню Ветер. – Не должна тоска жить в тебе. Сожрёт она тебя, погубит окаянная! Когда тоски много, в душе для радости места не остаётся. Смотри, в табуне все кони с кобылками парами ходят, а ты всё один и один...

– Нет у меня пары, была да сплыла! – Буран опустил голову низко-низко, так чтобы Ветер не видел его слёз. – Угнали мою кобылку в плен. Мою Лауру! Родились мы с ней в табуне в один день, вместе росли. Любила Лаура весенние степи. Вихрем проносилась по цветущей земле. После неё ещё долго колыхались красными волнами маки, жёлтыми волнами тюльпаны, синими ирисы. В этой степи, накинул злой человек на шею Лауры аркан, увёл мою подружку. С тех пор кочую, ищу её. Пока не нашёл. Ты не встречал её, Ветер?

– Может, и встречал, разве всех упомнишь? Кого я только на этом свете не встречал! Какая она?

– Статная, белая в серых яблоках. Грива чёрная, как смола, глаза карие. В глазах искорки, солнечными зайчиками прыгают. Веселушка, хохотушка, надо мной подтрунивала: «Б`урушка, Бур`ушка, на голове два ушка».

– Полетаю, посмотрю, если увижу, что передать?

– Передай, жду её. Всю жизнь буду ждать! Любую! Большую или здоровую, счастливую или несчастную, статную или хромоногую...

– Встряхнись, Буран! – прикрикнул на коня Ветер. – Негоже жожаку табуна раскисать, киселём растекаться...

Буран поднял голову. Тряхнул гривой. Вздрыбился. Из ноздрей пар повалил. Копытом так по земле стукнул, что искры посыпались.

– Э-ге-гей, табун! – протрубил конь. – Травы молодой сочной отведали? Воды ключевой из ручья напились? Теперь к морю, купаться! Пошли! Пошли!

Табун еле успевал за жожаком. Клином мчал по степи. Буран бежал, как летел, грудью воздух на куски рвал, в разные стороны разбрасывал.

Ветер залюбовался конём:

– Нет, этот не пропадёт! – улыбнулся Ветер. – В молодости я таким же озорным был.

Полетел Ветер дальше. Летел мимо посёлка. Дома в том посёлке богатые, палисадники чистенькие, красивыми цветами расцвеченные. В каждом дворе хозяйство. У кого куры гомонят, у кого козы блеют, а у кого коровы в хлевах помукивают. У одного из дворов увидел Ветер чахлую лошадь, впряжённую в телегу с тяжёлыми бидонами молока. Стояла она в тени раскидистой берёзы. Вокруг неё бегал толстый неопрятный коротконогий человек и орал что было мочи, разбрызгивал слюни в разные стороны:

– Ах ты, Кляча! Встала тут! Устала она, видите ли, – толстяк скрежетал зубами, сучил кулачками. – В бидонах молоко прокисло! Куда теперь дену? Убыток какой! Ой-ой-ой! Разорила ты меня, Кляча! Разорила! Деток моих обездолила, на что теперь им шоколад, конфетки покупать стану?

Лошадь стояла, от страха не шелохнувшись, старалась не дышать. Хозяин бил её хлыстом, оводы больно жалили ноги, но она стояла будто каменная.

– Не хватило мне сил дотащить эти проклятые бидоны с молоком до приёмного пункта, – оправдывалась про себя лошадь. – Уж больно они сегодня тяжёлые! Вчера меня забыли покормить, позавчера тоже. Сил не хватило...

– Всё! – хозяину надоело орать, он последний раз топнул ножкой, выплюнул:

– Завтра сдам тебя в мясокомбинат на колбасу. Получу денежки, куплю деткам сладости. Пошла, Кляча, в конюшню. Эта ночь у тебя последняя!

Лошадь, едва передвигая ногами, поплелась в стойло.

– Разве раньше меня звали Клячей? – грустно думала лошадь. – Раньше меня звали как-то по-другому, красиво. Забыла как! Эта ночь последняя. Пусть мне приснится сон из детства, тот, который снился по праздникам. Будто скачу по весенней степи, а она, как море, разбегается волнами красных маков, жёлтых тюльпанов, синих ирисов. Рядом со мной бежит мой друг, степной конь Буран!

Лошадь закрыла глаза, тихонечко пропела:

– Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...

– Ойпа! – резко остановился Ветер. – Что ты сейчас пела, лошадка?

– Песню своей молодости: Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...

– Как тебя зовут, лошадка? – удивился Ветер.

– Сейчас Кляча, как звали раньше – не помню. Много работала, мало отдыхала. Некогда было вспоминать. Завтра будут звать колбасой...

Ветер осмотрел лошадку со всех сторон.

– Белая с серыми яблоками, с чёрной, как смола, гривой, карими глазами, так говорил Буран о своей Лауре, – размышлял Ветер. – Эта тощая, чахлая совсем. Шкура грязно-серая, волосы в гриве спутанные, все в репьях. Глаза тусклые... Нет, не может быть эта Кляча Лаурой! А ну-ка, проверю. Привет тебе от Бурана, – вскрикнул Ветер, – просил, если увижу, передать, что ждёт!

– Всё ещё ждёт?! – в глазах лошадки заскакали солнечными зайчиками искорки счастья. – Скажи ему, Ветер, помню его. Себя забывала, а его нет! В последний свой день, одного его помню...

– Вот дела! – удивился Ветер – До чего злые бывают люди, из совсем молодой кобылки древнюю старуху сделали. Зовут тебя Лаурой, вспомнила? Беги, Лаура! Беги к Бурану! Беги...

Ветер сорвал тяжёлые ворота с петель, подтолкнул Лауру:

– Беги, тебе мои братья, степные ветры, помогут добраться. Я здесь задержусь, кое-что поправить надо...

Степные ветры подхватили кобылку, понесли её навстречу другу.

Ветер озлобился, надулся, превратился в большую бурю, чёрную, беспощадную. Закрутился юлой. Пошёл танцевать на крыше богатого дома хозяина лошадки. Не выдержал дом тяжёлого танца Ветра, развалился на мелкую щепу, да и ту ветер раскидал по всей округе, так, чтобы даже памяти не осталось.

А степные ветры всё несли и несли ослабевшую лошадку
– Ну, давай, ещё немного, – уговаривали они её, – постарайся!

Лаура старалась из последних сил.

* * *

– Что за кляча скачет нам навстречу? – спросил табунный конь у вожака. – Смотри-ка, не боится, что затопчем!

Бураник вгляделся вдаль, увидел, как степные ветры хлопочут вокруг кобылки, понял – Лаура!

Помчался навстречу. Ничего не видел Бураник, кроме глаз подруги. Глаз, в которых солнечными зайчиками прыгали весёлые искорки

– *Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...*

Оглядел Бураник подругу со всех сторон, обомлел.

– Кто ж тебя так, милая?! Ну, да ничего. Главное, жива!

Тряхнул Буран гривой. Вздрыбился. Из ноздрей пар повалил. Из-под копыт искры посыпались:

– Э-ге-гей, табун! – протрубил конь. – Теперь к морю, купаться! Пошли! Пошли!

Табун клином скакал к морю. Позади всех Буран со своей подружкой.

– Не грусти! – кричал Буран Лауре. – Скоро поправишься, опять будем впереди!

У моря Буран загнал подружку в сильную волну. Сам вылизал её шкурку, пока она не стала белой и на ней не появились серые яблочки. Зубами выбрал репы из гривы, заставил плыть:

– Плыви! – кричал он. – Накачивай мышцы! Набирайся силы!

– Молодец, Буран! – радовался Ветер. – Тоску прогнал. Радости в два раза больше стало, её и на Лауру хватит.

Время от времени присаживается Ветер на облачко отдохнуть, полюбоваться, как по весенней степи идёт табун, впереди степной конь Буран и его серая в яблоках подружка Лаура

– Эх, хорошо идут, хорошо! – улыбается Ветер.

О странствующем альбатросе по имени Ур

– Какой бездарный памятник, – прокрипел ветер Сквознячок. – И кому? Пустоголовой птице! Альбатросу!
– Отчего уж такой бездарный? – пролетая мимо, спросил

Большой Ветер. – Хороший памятник славной, героической птице. Ты, Сквозняк, как всегда, сплетни разносишь. Что ты знаешь об этой птице?

– Знаю – жрёт много. Крыльями не машет, ленится, – Сквозняк криво улыбнулся. – На тебе, Ветер, катается, как на лошади. Не обидно быть у альбатроса средством передвижения?

– Помогать птицам летать – моя работа и призвание, – Ветер с нежностью посмотрел на памятник. – Помогать летать такому странствующему альбатросу, как Ур, ещё и почётно...

– Почётно?! – скривился Сквозняк. – Сколько килограммов почёта он вывалил на твои плечи, Ветер? После такого почёта – помёта, наверное, долго дурно пахнет!

– Когда я законопачу тебя в старую морскую бочку с тухлой рыбой, ты тоже будешь долго дурно пахнуть, – вскипел Ветер.

– Эй-ей, Ветры, как ни стыдно ссориться?! – вмешалось в разговор дождевое Облако. – Освежу сейчас водичкой, поостынете немножко. Не связывайся со сквозняком, Ветер, мерзкий он. Лучше расскажи мне и моим подружкам, кучевым облакам, об альбатросе Уре. Слышала я что-то, но как-то всё вокруг да около, точно никто ничего не знает. Нам интересно, расскажи!

– Я, пожалуй, полечу. Вам интересно, а мне нет, – проворчал Сквозняк, кашлянул и удалился.

– Хорошо, что он ушёл Сквознячок – соплячёк, – порадо-

валось кучевое Облако. – Рассказывай, Ветер, рассказывай!

Ветру и самому хотелось вспомнить ещё раз ту давнюю историю.

– Этот день для Ура был самым счастливым и самым несчастным, – Ветер прикрыл глаза и ушёл в воспоминания.

* * *

Да, этот день для альбатроса Ура был самым счастливым и самым несчастным. Утром его подружка по имени Айя первый раз снесла яичко. Альбатросы долго не несут яйца. Начинают только тогда, когда им исполнится восемь-десять лет. Срок для птиц немалый. В кладке только одно яйцо. Птица садится на яйцо, греет его теплом своего тела. Сидят альбатросы неотлучно месяца три-четыре. Ни при каких условиях яйцо не должно остыть, иначе оно протухнет и птенец на свет не появится. И это тоже не всё. Как только малая птичка вылупится, её нужно выкормить. Процесс долгий, кропотливый. Месяцев десять родители кормят своё прожорливое чадо.

– Завтра сяду на яйцо, – сказала Айя альбатросу Уру. – Сегодня последний раз вместе с тобой хочу полетать над океаном. Позволь мне, Ур! Хочу покататься на волне, взлететь в синее небо, рассказать подружкам облакам о нашей будущей детке, попрощаться с Ветром. Позволь мне, Ур!

Айя так жалобно просила, что Ур не смог ей отказать.

– Кто посмотрит за яйцом? – спросил Ур.

– Я договорилась с соседкой из ближнего гнезда. Полетели.

Альбатрос – странная птица. Тело маленькое, а крылья огромные. Нет больше таких крыльев ни у одной из летающих в мире птиц. Уйти в полёт альбатросы могут с гребня волны или берегового утёса. Летать им всегда помогает ветер. Сутками парят птицы в штормовом небе. Вода и ветер – вечные спутники альбатросов. Айя любила летать. Её белые крылья с чёрными перьями на концах сверкали на солнце. Она смеялась от счастья, задевая клювом волну. Потом разворачивалась к ветру и вновь, не шелохнув крыльями, взмывала ввысь. Там Айя перелетала с одного облака на другое, делилась своей радостью о будущей детке.

– Ур, Ур, Ур! – нёсся ликующий клёкот из облаков.

– Айя, Айя, Айя! – вторил ему альбатрос. – Айя, как мы назовём нашу дочку?

– Мы назовём её Ирри, Ирри, Ирри!

– А если будет сын?

– Нет, Ур, у нас обязательно будет дочка! – смеялась Айя. – Видишь, Ур! Какая красивая яхта под нами. Надо её лучше рассмотреть!

Ур увидел, как на яхте с белыми парусами и двумя синими полосами на бортах мужчина в красной бейсболке заправил стрелу в лук. Натянул тетиву.

– Айя! – неистово закричал Ур.

Он не успел.

Стрела попала Айе в сердце. Птица умерла мгновенно. Только эхо не хотело понять, что Айи больше нет. Оно носило и носило в облаках её смех.

Мужчина повторно натянул тетиву и направил стрелу в сторону Ура.

– Это хорошо! – подумал альбатрос. – Там, на дне океана, мы будем вместе!

Альбатрос Ур летел прямо на стрелу. Расстояние между ними сокращалось. Ур видел глаза человека, убившего его Айю.

Человек не выдержал взгляда птицы, опустил лук.

Ур ещё долго кружил над яхтой, он ждал.

– Стреляй! Стреляй быстрее, негодяй! – кричал альбатрос.

Яхта резко изменила курс, пошла к берегу. Ур закрыл глаза, сложил крылья и пошёл камнем вниз.

– Яйцо! Ты забыл о яйце! – закричал Ветер, подхватывая птицу. – Если ты умрёшь, умрёт ваш птенец. Некому будет его высиживать!

Сквозь рёв плачущих волн, вой штормового ветра альбатрос услышал голос Большого Ветра. Он открыл глаза, медленно расправил крылья и полетел в направлении Птичьего острова, туда, где было его гнездо.

Ур сам сел на яйцо. Через три месяца из него вылупился птенец. Это была дочка, такая же беленькая хохотушка,

как Айя. Ур назвал её Ирри. Маленькая Ирри имела презабавный вид. Она походила на белый, мохнатый клубок шерсти, величиной с хорошего индюка. Такой облик ей придавала тёплая шубка из густейшего длинного пуха. Из клубка торчала голова с огромными чёрными глазами и солидным, не по возрасту, оранжево-красным клювом с крючком на конце. Ур внимательно разглядел Ирри.

– Ну что же, вполне взрослый клюв и такие же лапы! – удовлетворённо хмыкнул альбатрос. – Крылышки маловаты. Ничего, время есть, подрастут! Ты бы понравилась Айе, детка!

Альбатрос спрятал голову под крыло, Ирри не должны была видеть его слёз. Ур больше не летал над океаном в маловетреную погоду. Он летал только в шторм, в грохоте волн не было слышно его плача. Чувство мести маленьким зёрнышком поселилось в сердце альбатроса. Теперь оно выросло до огромных размеров. В штормовых волнах он выглядывал белую яхту с двумя синими полосами на бортах. Выкармливая Ирри, Ур представлял, как однажды встретит своего врага.

– Я собою его крылом, когда он будет стоять на капитанском мостике. Удар моего крыла настолько силён, что он обязательно упадёт в океан. А там его сожрут акулы.

Альбатрос живо представил эту картину

– Стоп, Ур! Яхта без капитана потеряет управление, врежется в маленькое рыбацкое судно. Погибнут люди, так

не пойдёт. Лучше я попрошу океан, он заведёт яхту в Мёртвое море, оттуда не выбирают корабли, там человек найдёт смерть! Стоп, Ур! Не надо вовлекать в свою месть других, ты должен сделать это сам!

Выкармливая Ирри, Ур выращивал месть. Постепенно у Ирри пух заменился на перья. Наконец, наступил момент, когда она всю ширь расправила чудесные крылья. С силой взмахнув ими, Ирри взмыла в небо, подставляя грудь встречному ветру.

– Вот и началась твоя взрослая жизнь, доченька! – восхищённо глядя на Ирри, подумал Ур.

Теперь он свободен. Теперь он может целыми сутками парить над океаном, высматривая своего врага. У жизни есть хорошее правило – кто ищет, тот всегда найдёт!

Однажды это случилось, Ур встретил своего врага! Белая яхта терпела бедствие. Тяжёлая океанская волна молотом ударяла по палубе маленького судна. Мужчина в красной бейсболке пытался убрать тяжёлые от воды паруса. Не успел, яхту перевернуло.

– Айя! – радостно закричал альбатрос. – Он получил своё, я увидел это! Океан скормит его акулам...

Из-под перевернутого днища яхты выплыло две головы, мужчины и мальчика. Мальчик захлёбывался водой, лихорадочно болтал ногами и руками. Он тонул. Мужчина, вероятно, отец мальчика, пытался подплыть к ребёнку. Злая океанская волна растаскивала их в разные стороны. Отец успел

ухватиться за обломок яхтовой мачты. Он дико кричал, звал сына.

Альбатрос увидел голову мальчишки на гребне волны. Это была его последняя волна, дальше чёрная пропасть и смерть. Ур не думал, он сложил крылья, спикировал в белый гребень. Время оставалось мало, точнее, его не было совсем, перо не должно намокнуть. Ур поднырнул под мальчика, и тот час выплыл с ним на поверхность. Расправив крылья, альбатрос не дал мальчишке упасть обратно в воду. Встречный ветер приподнял птицу и понёс её ввысь. Альбатрос успел донести ребёнка до большого океанского корабля.

– Покажи, где его родители, альбатрос?! – прокричал капитан, принимая мальчика с крыльев птицы.

Ур не стал отвечать, он просто повернул в сторону яхты терпящей бедствие, туда, где погибал его враг.

– Моряки успели спасти отца мальчика? – спросило кучевое Облако.

– Как вы думаете, кто поставил памятник альбатросу? – вопросом на вопрос ответил Ветер.

– Неужели папаша?! – удивилось дождевое Облако.

– Да, именно он! Потом всю жизнь отец мальчика пытался вымолить прощение...

– А мальчик, что стало с ним? – облака притихли, ожидая ответа.

– Вырос в отличного парня. Окончил мореходное училище, стал капитаном большого океанского судна. – Ветер

улыбнулся. – Иногда возвращается в прибрежную деревушку отгулять отпуск, навещает отца. Тогда они оба выходят в океан на своей белой яхте.

– А Ур? – хором спросили облака. – Умер?

– Почему умер?! – засмеялся Ветер. – Жив. Альбатросы летают долго, более восьмидесяти лет. Ур так же, как раньше, спасает людей, указывает кораблям место беды.

– А Ирри?

– Ирри всегда рядом с отцом...

– Смотрите! – неожиданно, закричало дождевое Облако. – Под нами яхта с двумя синими полосами на борту. Смотрите, она называется «Айя»

– Ты ошибся, Ветер, – негромко сказала кучевое Облако, – Айя не погибла, она сейчас бежит по океанской волне под белыми парусами

О «картофельном» клубеньке!

Полинка гордо вышагивала по базару рядом с мамой. Сегодня её взяли заготавливать картошку на зиму. Мама спрашивала дочку, нравится ли ей цвет картошки. Полинка не понимала, при чём здесь цвет? Важен вкус, однако, гордилась тем, что мнение её было решающим. В этот раз они купили три мешка картофеля. Один с янтарно-жёлтой, другой с красной, а третий (по настойчивой просьбе Полинки) с сиреневой картошкой. Этот мешок был самый дорогой. Мама ворчала, но дочку уважила. Картошку распределили в погреб по трём ящикам. Когда высыпали сиреневый мешок, из самой середины выпал странный клубенёк. Он был вовсе не сиреневый, а розоватый.

– Обязательно обманут продавцы! – рассердилась мама. – В самый дорогой картофель положили такой несимпатичный клубень. Как чистить такого уродца?!

Она в сердцах бросила картофелину в другой ящик. Клубенёк, действительно, выглядел не совсем обычно. Он был похож на медвежонка. На большом шарике торчал маленький шарик, а по бокам ещё четыре совсем малюсеньких шарика. Полинка раньше видела сросшиеся картофелины, но чтобы так причудливо, первый раз.

Клубенёк упал в ящик с белой картошкой и сразу услышал недовольный шепоток:

– Почему к нам?! – загалдели белые клубни. – Разве мы достойны такого соседства? Он портит всю компанию!

Стоило маме с Полинкой уйти из погреба и потушить свет, белые клубни не на шутку разбушевались. Начали толкаться боками, всячески обзывать:

– Ты гадкий, гадкий, уходи немедленно! – кричали они.

Самый большой белый клубень так поддал медвежонку упругим боком, что тот перелетел в ящик с красной картошкой. Эти тоже не церемонились с новичком:

– Мы отборный картофельный сорт! – кричали они. – Пусть уродец, чучело огородное убирается прочь!

Отборные картофелины сердито пыхтели и Клубенёк выскочил из ящика сам. Ему было страшно, холодно и одиноко лежать на полу. Он совсем уже собрался замёрзнуть и заснуть навсегда, когда в подвале зажёгся свет – это Поинка спустилась за картошкой.

– Ой, медвежонок, почему валяешься? – девочка подняла клубень, положила его на деревянную полку. – Лежи здесь. Оставляю тебя на семена. Придёт весна, мы с папой и мамой обязательно поедem на дачу. Сама посажу тебя в землю.

Родители Поинки всегда сажали немного овощей, чтобы на отдыхе не ездить за ними на базар. Клубеньку было одиноко, но безопасно. Никто его не пихал, не ругался, а главное – не смеялся над ним.

– Придёт время, – думал Клубенёк, – разделит меня Поинка на маленькие клубеньки-делянки, посадит в землю. Я вам докажу, какой я уродец! Вырастет из меня по большому ведру картошки: сладкой, рассыпчатой. Будут мою кар-

тошечку есть и нахваливать!

С этими мыслями дожил Клубенёк-медвежонок до весны, до самой посадочной поры.

Весной мама выделила Полинке грядку у дома.

– Сажай клубенёк рядом с дачей, – сказала она. – Правда, цветки у картошки неказистые, маленькие, голубенькие, с жёлтой серединкой, но всё равно пусть растут здесь. Бабушка всегда сажала именно тут. Говорила: «Раз картошка нас кормит, пусть растёт на видном месте». Теперь это твоя грядка. Посмотрим, какую картошечку ты вырастишь!

Ко времени посадки на клубнях пробились маленькие расточки. Полинка аккуратно разделила Клубенёк на части-делянки, оставила на каждом по три хороших проростка. Так учила сажать бабушка.

Как только, клубни-делянки попали в землю – сразу начали обрастать корешками.

– Скоро, скоро на корешках появятся новые молодые картофелины, – радовались клубеньки-делянки.

Но время шло, а картофелины не появлялись. Даже совсем наоборот, бока клубеньков увеличивались, толстели, превращаясь в большие, настоящие клубни-корни. Проростки вырвались на поверхность земли, мужали, крепились, становились тугими, сильными стеблями. Каждый выходной Полинка с родителями приезжала на дачу. И каждый выходной Полинка с мамой удивлялись:

– Что за растение такое родилось? Листья резные, стебли

могучие, высокие. Совсем на картошку не похоже. Может, это новый сорт?

Так и решили: это новый сорт!

Но больше всего удивлялись сами клубни. Не просто удивлялись, они горевали. Потому что знали – никакой картошки на них не развивается.

– Выдернут нас с позором, как сорняки, засмеют! – тихо плакали клубеньки, а потом решили:

– Исправить ничего нельзя. Чему быть – того не миновать! Будь что будет!

Это «будет» наступило очень скоро.

На корнях картофелины так и не завязались, а вот на рослых стеблях распустились ЦВЕТЫ! И непросто цветы, а цветы невиданной красоты! Огромные, как пирожковые блюда, похожие на оранжевое солнце игольчатые ёжики. Их было так много, что куст превратился в новогодний салют. Цветы любовались друг другом, радовались каждому прохожему, заглянувшему в сад. Поворачивали свои симпатичные мордочки к солнышку и трепетали:

– Посмотрите! Посмотрите, какие мы красавцы!

Больше всего они ждали приезда хозяев дачи, особенно Полинки.

– Батюшки! – воскликнула мама, заметив над забором новое чудо. – Батюшки! Это георгины! Вот так сюрприз!

– Ге-ор-ги-ны?! – изумилась Полинка, она впервые видела такое диво.

– Ге-ор-ги-ны? Ге-ор-ги-ны! – пропели под землёй клубеньки. – Вот мы кто! Георгины! Вовсе не сорняки. Как же вы не узнали нас сразу?

Георгины цвели всё лето и всю осень. Соседи подходили к Полинке, просили поделиться удивительными клубнями. Полинка обещала.

Когда ударили первые морозы, клубни выкопали, высушили, часть подарили соседям, а оставшиеся бережно завернули в масляную, с дырочками, бумагу. Каждый уложили в подвале отдельно на деревянную полку.

– Видишь, доченька, – сказала мама Полинке, – оказывается, неважно, что сначала ты не похож на других. Важно, что потом другие захотят быть похожими на тебя!

О спичке!

Скажите, кто-нибудь жил в одной квартире с пятьюдесятью сёстрами? Нет?

А наша героиня Спичка жила, конечно, не в квартире, а в спичечном коробке. Сестёр Спичка любила, но их взглядов на жизнь не разделяла. Они хотели одного – Блистать! Загореться так, чтобы все заметили и позавидовали. Выпорхнуть, как птица из коробка, и сиять. Сиять долгую, яркую жизнь.

Поэтому, когда их домик открывался, спички замирали. Ждали, кто будет следующий, чья очередь выходить в большую жизнь...

Спичка лежала на самом дне коробка и размышляла:

– Если там, в большом мире, так хорошо и свободно, почему ничего не слышно о тех, кто уже покинул домик?

Ни одна из сестёр не знала ответа на этот вопрос. Не любили они задумываться. Поболтать – это да! А думать – тяжёлое занятие, оно им ни к чему. Не получая ответа на вопрос, Спичка боялась неизвестности. Этот страх загонял её ещё глубже, на самое дно коробка.

Просто лежать скучно. Спичка принималась мечтать! Мечтать о друге! О друге, с которым можно поговорить, подумать о будущем, попутешествовать. Почему путешествовать? Потому что Спичка была выстругана из дерева корабельной сосны. Из ствола могучей сосны когда-то сделали мачту для парусника, а из сучьев спички. Поэтому мечта о путешествиях жила в самой сердцевине Спички!

Друга среди сестёр Спичка найти не смогла, ведь они были сделаны совсем из других пород дерева. Не хотелось ей сиять и гореть просто так. Она мечтала загореться во имя чего-нибудь героического, например, во имя спасения друга! Но кто будет дружить с простой спичкой? Поэтому больше всего Спичка боялась сгореть просто так, из-за чьего-то озорства.

Дни бежали чередой, они были похожи один на другой. Спичка всё время спала. Просыпалась, когда открывался коробок. Вздрагивала, дрожала маленьким спичечным тельцем, но, как только очередная претендентка на счастье исчезала, успокаивалась. Немного помечтав, засыпала. И всё-таки настал день, когда спичке НАДОЕЛО бояться. Надоело, и всё тут!

– Я же мечтаю о ДРУГЕ, а кому нужен друг – ТРУС? – подумала Спичка.

Теперь с каждым днём она стремилась становиться смелее. Она старалась не вздрагивать, когда открывался коробок, а просто зажмуривалась.

Следует заметить, что домик или просто спичечный коробок, в котором жила Спичка, лежал в кармане куртки старика-смотрителя маяка. Маяк стоял на высоком холме у моря. Не было ни одной ночи, чтобы в нём не горел огонь. Огонь указывал путь заблудившимся кораблям. В любую погоду старик-смотритель поднимался по крутой лестнице на верх, заливал керосин в лампу, чиркал спичкой и зажигал огонь.

Однажды на маяк привезли новую, электрическую лампу, очень мощную и яркую. Старую, керосиновую велели сдать в утиль. Старик не любил выкидывать привычные ему вещи, всегда оставлял их на всякий случай. Новая лампа была удобной. Теперь смотрителю не надо было наливать керосин из тяжёлой бочки. Поджигать фитиль. Нужно просто придавить кнопку и маяк вспыхивал ослепительным светом.

Спички остались нужны старику только для трубки. Трубку старик курил раз в день, точнее, раз в ночь. Смотритель зажигал маяк, наливал в большую, со щербинкой кружку чай и разжигал трубку.

Какое же удовольствие посмолить любимую ароматную трубку! Он делал бы это чаще, но немолодое сердце старика шалило, и он старался его беречь.

Одна трубка за ночь – одна спичка. Спичка понимала: скоро она покинет свой почти пустой дом.

В один из ненастных дней спичек в коробке осталось только три. Сердце Спички ёкнуло:

– Пришёл мой черёд!

Может, из-за ветра, завывающего даже в кармане тёплой куртки смотрителя, может, из-за шума моря, бьющего солёной волной по подножью маяка, но Спичке было неудобно и тревожно. Наступила ночь. Шторм усиливался. Старик зажёг маяк, насыпал заварки в любимую кружку, налил кипяток. Как всегда, взял в руки трубку. Славно пахнет пряный табак!

Коробок открылся.

– Не сейчас! Не сейчас! – затаив дыхание и отодвинувшись к стенке домика закричала Спичка.

Старик взял соседку, чиркнул ею о коричневый бочок коробка, пламя вспыхнуло и... О нет! Нет! Нет! ПОТУХЛО. Коробок открылся вновь. В руках зрителя оказалась наша Спичка. Старик посмотрел на неё, повертел и положил обратно, взял другую, прикурил трубку.

Неожиданно раздался глухой хлопок, а за ним – звон, бьющихся о пол стеклянных крошек. Новая электрическая лампа испугалась воя ветра, упала рассыпаясь на мелкие осколки. Теперь море и берег были одного цвета – цвета НОЧИ! Темнота, вцепившись в шторм, смешала сушу и воду в клубок чёрного СТРАХА. Там, среди волн, кувыркался маленький учебный кораблик. На нём будущие капитаны выходили в море набираться опыта. Сейчас моряки, как могли, боролись с рассерженным морем. Но оно не хотело угомониться. В команде молодых моряков был юнга, совсем ещё мальчишка. Он любил море, но таким свирепым видел впервые. Парнишка испугался, не за себя – там на берегу его ждала мама!

Старый зритель заметил в темноте мечущиеся огни корабля. Корабль несло на скалы.

Старая керосиновая лампа – вот что могло спасти парусник! Её надо было зажечь во что бы то ни стало! Старик открыл коробок и охнул: там лежала одна спичка!

Спичка не спала, ждала, когда в её домик ворвётся ветер. Никогда ещё она не чувствовала такого холода, такой ледяной мороси.

– Вот теперь ПОРА! – решила Спичка.

Старик чиркнул ею о бочок коробка. Злой, промозглый Ветер лизнул пламя и почти потушил его.

– Ну уж НЕТ! – сердце Спички готово было остановиться от ужаса. – Столько ждать и потухнуть? Ну уж НЕТ!

Она собрала все силы и вспыхнула так ярко, как вспыхивают сто спичек разом. Фитиль в лампе загорелся. Старик повертел спичку в разные стороны, подумал и не выкинул её, а положил обратно в коробок.

Огонь маяка высветил на поверхности моря спасительную световую дорожку.

– Берег там! – закричал юнга.

Учебный корабль не разбился о скалы. Он вернулся домой.

Утром юнга пришёл на маяк. Мальчишка давно знал смотрителя, часто приходил слушать его рассказы о море.

– Спасибо, дедуня, ты спас нам жизнь!

– Не я один, внучек! – старик вынул из кармана обгоревшую Спичку. – Без неё я не зажёл бы маяк. Последняя была, а загорелась на ветру, как сотня спичек. Возьми, на счастье.

Юнга достал из кармана жестяную коробочку из-под леденцов, вытряхнул остатки конфет и положил Спичку туда. Ей сразу понравилось лежать в тёплом кармане бушлата

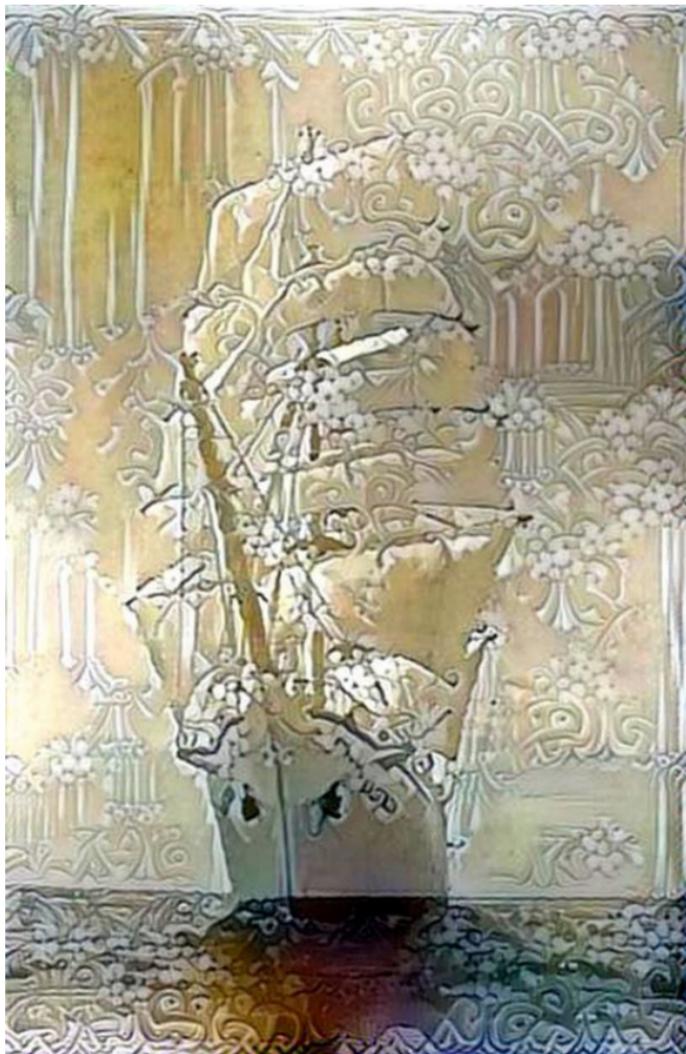
юнга, вдыхать оставленный леденцами запах, слушать, как бьётся сердце её нового ДРУГА.

Прошло время, юнга вырос и стал капитаном, военным моряком. Прошёл всю войну. Спас многих людей. Победил многих врагов. Не раз был ранен. Каждый раз, оказавшись в госпитале, капитан открывал жестяную коробку, вынимал обгоревшую Спичку и что-то тихо ей говорил.

Когда моряк вернулся с войны, у него появилась семья. Родился сын, потом внук. Малыш любил перебирать дедушкины медали и ордена. Особенно любил заглядывать в старую жестяную коробочку из-под леденцов. Она так приятно пахла конфетами! В ней лежала заветная волшебная Спичка. В том, что Спичка волшебная, малыш был уверен. Ведь не может такой герой, как дед, хранить среди орденов простую обгоревшую спичку.

Дед тоже иногда брал Спичку в руки. Тихо разговаривал с ней, наверное, жаловался на погоду (ныли старые раны) и всегда возвращал её в заветную душистую коробочку. Спичка засыпала, она была совершенно счастлива.

О сосне

– Красавица... красавица... – шумели кроны деревьев. – Красавица! Такую украсить ёлочными игрушками – не сыщешь в мире прекраснее...

Сосна впрямь была красавица: ровный ствол, необычного цвета кора, пушистые ветки, россыпь серебристых шишек. Она стояла в окружении других сосен, но выделялась среди них своей статью.

Сосны-соседки мечтали на Новый год попасть во дворец или замок, нарядится, стать центром внимания, только не она. Желаний у Сосны было много. Много маленьких желаний и одна большая мечта. Хотела она увидеть пальму!

О пальме мечтательница знала только то, что это дерево. Старые сосны говорили:

– Пальмы синего цвета, растут корнями вверх, пахнут мёдом, на ветках у них ягоды под названием АРБУЗЫ.

О том, чтобы дружить с такой диковиной, Сосна не помышляла. Хотелось ей одним глазком взглянуть, веточкой дотронуться. Мечтая, она сочиняла и напевала песенки. Голос у Сосны был хрустальный, звенящий. Ветры не пролетали мимо хоть на минуточку, но задерживались. Один остался, дослушал до конца. Чудная была песня: о море, о пальме, о мёде. Не захотел Ветер улетать, раскинулся на ветках, заслушался и уснул. Крепким сном, без сновидений. Пробудился бодрым, отдохнувшим. Сосна стояла не шелохнувшись. Боялась разбудить. Знала: намаялся он по разным

странам летать.

Так началась их дружба. Куда бы Ветер ни уносился, всегда возвращался к Сосне. Рассказывал ей о городах и людях, о полях и диких лошадях, о море с огромными рыбами. Однажды залетел Ветер далеко, увидел пальму. Подивилась Сосна рассказу. Дерево оказалось совсем не синем, а зелёным. Росло корнями вниз. Листья у него на меха гармошки похожи. И ягоды были, только не арбузы, а бананы. Вкуснейшие ягоды. Пахли аппетитно, но не мёдом. Больше всего поразил Сосну рассказ о песке и море, на котором живёт пальма: песок жёлтый, тёплый, море синее, бескрайнее.

Так захотелось Сосне увидеть море, затрепетала она от желания, посыпались на землю её серебряные шишки.

– Смотри, подруга, растеряешь всю красоту, – загалдели соседние сосны.

– Ничего... – заплакала Сосна. – Шишки новые вырастут, а море я не увижу никогда...

Услышал Ветер, как плачет Сосна, как текут по её стволу слёзы-смола, принялся утешать, уговаривать:

– Никуда больше не полечу, останусь с тобой. Будем вместе петь о море!

Совсем забыл Ветер о своей невесте Буре. Она его не позабыла. Нашептал ей гадкий ветер Сквознячок об измене Большого Ветра, о его любви. Зазлobilась Буря, взбаламутилась. Решила от Сосны избавиться. Выбрала минуточку, когда Ветер отлучился. Налетела, собрала всю свою могучую

силу, вырвала соперницу с корнем. Бросила в бурлящую реку, чтобы памяти о ней не осталось!

Однако Река решила по-своему:

– Не видать тебе, Буря, победы! У настоящей любви есть ещё верность. Вот ВЕРНОСТЬ, Буря, тебе уничтожить не по силам.

Вынесла река Сосну прямо к строящемуся на берегу кораблю – огромному, добротному. Собирались на нём моряки все моря и океаны проплывать, мир повидать. Мачты для главного паруса никак не могли найти. Везде побывали, все леса обошли: не было подходящего дерева – высокого, ровного, стройного и крепкого. Тут река им подарок и преподнесла.

Застыла Сосна от горя, окаменела от разлуки с Большим Ветром. Всё равно ей было, что делают моряки. А они обрубили ветки, сняли кору, долго щекотали топориками, гладили шкурками. Когда приладили на корабль, поняла Сосна, кто теперь на корабле главный. И не Сосна она уже, а Мачта. Поплыла Мачта вместе с кораблём по морям, по океанам. Много повидала белых медведей, жёлтых верблюдов, полосатых зебр и разноцветных людей. Пальм тоже видела множество. Толклись они по берегам морей и чужих рек. Надоело Мачте плавать, заскучала она по своим берёзкам и подружкам-соснам.

По ночам на причалах Мачта плакала о Ветре, завывала, гудела, скрипела.

– Тоскует наша Мачта, – решили моряки. – Домой пора собираться.

В первую же ночь на родной стороне запела Мачта песню для Большого Ветра – звонкую, хрустальную. Ветер пролетел мимо, услышал, не узнал. Слишком долгой была разлука. Не сдалась Сосна-Мачта, расправила парус и поймала Ветер. Запутался он в парусе, потрепыхался, потрепыхался и уснул намаявшись. Как тогда, в первую встречу, стояла Сосна-Мачта, не шелохнувшись, боялась разбудить, а Ветер спал и чувствовал родной сосновый запах. Утром, когда солнечный луч потрепал его по плечу, открыл глаза и увидел Мачту, узнал в ней свою Сосну.

Больше Ветер не улетал никуда, так и остался жить в парусе. Не было на морях корабля быстрее их, потому что даже в полный штиль в парусах у него всегда был попутный Ветер. Счастье Сосны-Мачты было огромно и безгранично, как море, по которому плыл их корабль.

О зёрнышке

Василисой (по-домашнему – Васюшкой) звали белоку-

рую, кареглазую девчонку. Прошлой осенью Васюшка пошла в первый класс. И теперь каждый день по дороге в школу она играла в игру, правда, каждый раз правила переиначивала. Зависело это от того, опаздывала девчонка в школу или нет. Условия были таковы: если до урока оставалось немного времени, она, поспешая, бежала по дорожке и ни в коем случае не должна была наступить ни на одну трещинку в асфальте. Если же времени до уроков оставалась много, правила менялись ровно наоборот. Васюшка старалась наступать ножкой на все трещинки. Девочка внимательно смотрела на асфальтовое покрытие и почти никогда не нарушала условия своей игры. Так она тренировала внимание, быстроту реакции и скорость принятия решений. Сегодня Васюшка вышла из дома пораньше, значит, все трещинки были её. Вот тут-то она и заметила Зёрнышко. Оно лежало на самом краю трещинки и было готово в неё упасть.

– Хорошо бы упасть! – думало Зёрнышко. – Раздавят ногами, ей-ей раздавят! Толкают туда-сюда. Ноги, вы что, не видите: я тут лежу? Нельзя же быть такими бестолковыми! – кричало, подпрыгивая, Зёрнышко.

Голос зёрнышка был слабеньким почти неслышным.

– Чего пищишь, Капелька, боишься?! – удивилась Васюшка. Она взяла зёрнышко двумя пальчиками, рассмотрела. Оно было похоже на сморщенный комочек земли.

– Бедное, как скукожилось! Тебе одиноко? Ты плакало? – Васюшка хорошо знала, что такое одиночество.

Её родители много работали, девочка часто оставалась одна. Тогда в доме появлялось одиночество. Оно бродило по комнатам тихо, но, если начинал голосить звонок на входной двери (это означало, что кто-то пришёл), одиночество утекало в щели и дырки, и вместо него приходила радость. Радость поселилась в Васюшкином доме насовсем, когда жить в из семью приехала бабушка. Бабушка была веселушкой, доброй, тёплой. Она готовила Васюшке оладьи с мёдом, вязала мохнатые пуховые носки. Ещё бабушка привезла с собой три горшка с цветами. Они стояли на подоконнике и пахли. Цветки были белыми, розовыми, красными. Назывались геранями. Росли цветки не просто так, они отпугивали мух. Мухи, учуяв герани, вылетали в форточку как ошпаренные.

Увидев на дороге Зёрнышко, Васюшка точно знала, что будет делать:

– Подарю его бабушке, пусть посадит в горшочек. Может быть, вылупится новая геранька! – Девочка положила Зёрнышко в пенал и побежала в школу.

На пороге школы стоял Васюшкин одноклассник Игорь.

– Всё ножками топаешь? Трещинки считаешь? – Игорь от гордости выпятил нижнюю губу. – Видела, на какой машине меня привезли? Завидуешь?

Игорь жил в богатой семье. Отец ничего не жалел для сына, выполнял любое его желание. Между тем радость от обнов была неполной, если они не вызывали ЗАВИСТИ одноклассников. Игорь показывал новые забавы и с насла-

ждением смотрел, как ЗАВИСТЬ рождалась в глазах ребят. ЗАВИСТЬ была большим удовольствием мальчишки и самым любимым подарком. Только в глазах Василисы никогда не появлялась желанная им ЗАВИСТЬ.

– Не нужна мне машина! – засмеялась Василиса. – Вон какие у меня сильные ноги ими ходить приятно! Ты столько не пройдёшь, сколько я пробегу! А до парты ты сам пойдёшь или тебя понесут? Эх, Горе, Горе луковое!

С подачи Васюшки, мальчика в школе никто не звал Игорем, так и звали Горем.

– Посмотри, посмотри, какой у меня сотовый телефон! – бежал следом за Васюшкой Игорь. – Даже у директора школы нет такого! – мальчишку распирало от самодовольства. – Завтра контрольная. Я на него все шпаргалки запишу! Прикольнo, правда?

– А у меня есть Зёрнышко, – Василиса остановилась, строго посмотрела на Игоря. – Из него вырастет цветок, а у тебя из телефона двойка. Учи уроки сам, Горе!

– Подумаешь, Зёрнышко! Мусор! – мальчик остановился, стал высматривать другую жертву. Очень хотелось потешить себя чужой ЗАВИСТЬЮ.

– Мусор в твоей голове, Горе! – Василиса вынула из портфеля пенал, проверила, не потерялась ли капелька.

Дома внучка с бабушкой усадили Зёрнышко в цветочный горшок. Полили землю тёплой водой.

– Посмотрим, что из тебя вылупится, – сказала бабушка.

Через три дня в горшочке на поверхности земли появилась зелёная горошинка. Из горошинки вылез листок, затем – другой, и пошло, и пошло...

– Да ты у нас вьюнок! – обрадовалась бабушка. – Растёшь быстро, значит, к Новому году появятся цветочки. Замечательно!

* * *

На Новый год Васюшка пригласила одноклассников в гости. Она встречала их во дворе дома возле большой снежной горки. Васюшка с папой сделали её сами. Лопатами накидывали снег, утрамбовывали, снова накидывали. Горка выросла отличная: высокая, плотная, накатанная. Каток заливали водой из шланга, он получился небольшой, но скользкий. Вечером накануне праздника вся семья трудилась. Украшали ёлку. Мама с дочкой вырезали из золотой и серебряной бумаги снежинки. Папа делал из ваты Деда Мороза и Снегурочку. Ёлка выглядела занятно. И всё-таки чего-то в ней не хватало. Не задорная была, не искрящаяся. Васюшка очень переживала. Бабушка предложила поставить под ёлку гераньки. Пусть постоят, покрасуются. Нашлось местечко и для вьюнка.

– Наконец-то, – подумал Вьюнок, – есть к чему прицепиться...

Всё следующее утро бабушка пекла блины – главное уго-

щение праздника. Дом был небольшой, поэтому стол поставили в общей комнате, а ёлку – у Васюшки.

Ребята принесли с собой коньки, санки. До самого обеда кувыркались во дворе на снегу. Играли в догонялки, в снежки. Бегали на коньках. На спор, кто дальше проедет, катались на санках с горки. Мокрые от снега, румяные от удовольствия, они влетели в дом. Ботинки, шарфы, варежки, штанишки мама Васюшки повесила сушиться на батареях. Всем голодным мальчишкам и девочкам было приготовлено место за столом. Огромные стопки блинов с мёдом, сметаной, сгущённым молоком, джемом исчезали на глазах. Чай, пахнущий жасмином, наливали из самовара.

Когда все наелись, Васюшка вспомнила про ёлку:

– Что же мы сидим?! Она там, красавица, одна стоит!

Девочка пригласила ребят в свою комнату и, открыв дверь, замерла в изумлении. Ни родители, ни сама Василиса, ни бабушка не узнали вчерашней ёлки. Каждая её маленькая веточка была оплетена вьюнком. На его стебельке открылись и продолжали открываться голубые, как небо, колокола цветков. Золотые, похожие на хрусталь тычинки трепетали, издавая нежнейшую мелодию. Ёлка сияла, радуясь своему новому платью. Каждый ребёнок нашёл под ней подарок. После обеда в честь ёлки-красавицы был дан салют!

– Вот – вот, у меня-то гирлянда не хуже, – ворчал Вьюнок, наблюдая из окна за разноцветными искрящимися букетами салюта.

Васюшка на минутку вбежала в комнату: она забыла любимую игрушку, которой хотела показать салют. Глянув ещё раз на ёлку, девчонка весело подмигнула Вьюнку:

– Ты всё равно лучше! Они сейчас погаснут, а ты будешь жить долго. Спасибо, Зёрнышко!

Праздник в доме Васюшки продолжался до самого вечера. Но никто из ребят так и не заметил, как в углу Васюшкиной комнаты одиноко сидел и плакал Горе. Плакал от ЗАВИСТИ. В его огромном красивом доме никогда за всю его недолгую жизнь не было такого удивительного праздника, такой красивой ёлки.

О кастрюльной крышке

Хозяйкой маленькой уютной кухни была молодая женщина с двумя детьми – девочкой лет шести и мальчиком двенадцати лет. Девочка (мама звала её Лисой) увлекалась рисованием, ходила в художественную школу. Мальчик (его звали Алёшкой) играл на свирели, занимался в городском музыкальном училище. За успехи Алёшку зачислили стажером в филармонический оркестр. Играть в нём считалось большой удачей и почётом.

Мама ребятешек слыла хорошей хозяйкой. Детки были ухожены, опрятно и красиво одеты, вкусно накормлены.

Кормить вкусно, сытно, с выдумкой – одно из маминых увлечений. Поэтому любимым местом мамы в доме была кухня. Кухня выглядела уютной, в ней всё имело своё место. Женщина уважительно относилась к посуде, не прятала её по тёмным углам. Крышечки от кастрюлек стояли на отдельной полочке в специальной подставке, они были похожи друг на друга, как сёстры-близнецы. Все, кроме одной. Эта Крышечка была не белой, как остальные, а красновато-медного цвета. Когда мама купила кастрюльный комплект и, распаковала его дома то обнаружила инородную Крышечку. Она тут же хотела бежать в магазин обменять её на другую. Но Крышечка вдруг извернулась в её руках и упала на кафельный пол. Крышка не просто шлёпнулась, глухо вякнула, она зазвенела. За-зве-не-ла!

Тысячи колокольчиков, перекликаясь друг с другом хрустальным звоном, заполнили маленькую кухоньку! Тысячи колокольчиков на все лады, то замирая, то опять возрождаясь, звенели, пока Крышечка кружилась по каменному полу. Мама, прижав руки к груди, стояла не шелохнувшись. Она боялась неосторожным движением спугнуть чудесную песню Крышечки. Мысль обменять её на другую ушла от мамы навсегда. Даже еда, побулькивающая под новой Крышкой, получалась более вкусной.

Крышечка знала о своём музыкальном таланте и очень расстраивалась.

– Как же так! – думала она. – Я такая музыкальная служу

крышкой для кастрюли с макаронами, картофельным пюре, компотом и щами. Неужели придётся состариться незамеченной? Сколько раз из окна мне доводилось слышать бездарный, глухой звон ржавых колоколов. Он не идёт ни в какое сравнение с моим волшебным звуком.

– Пропадаю я! – плакала Крышка. – Пропадаю! Вот издыривлюсь от горячего пара, охрипну. Мой хрустальный звон потеряет звук, превратится в обычный «бум-бум»! Ах, бедная я, бедная!

Никто не слышал или не понимал, о чём плаксиво позвякивает Крышка. Её страдания оставались неслышанными. До поры до времени...

Как-то раз, проголодавшись, Алёшка решил посмотреть, что там варится в кастрюльке, под любимой маминой крышкой. Как только Серебряная Ложечка нечаянно дотронулась до краешка Крышки, раздался звук, которого Алёшка не ожидал. Звук необычный, непохожий на звук известных Алёшке инструментов. Мальчик попробовал стукнуть ещё раз. Опять зазвучало неожиданно и красиво! В щёлочке приоткрытой двери появилось личико сестрёнки Лисы.

– Что это, Алёшка? – восхищённо спросила она.

– Лисик, принеси мне Свирель, – попросил Алёшка. – Попробуем сыграть вместе!

Лиса вернулась быстро. Алёшка показал сестрёнке, как отбивать по крышке ритм Серебряной Ложечкой. Звуки Свирели, хрустальный звон Крышки смешались в один клу-

бок чарующей музыки. Она была настолько удивительной, что даже сердитый сосед, ковыряющий смоманный дверной замок, замер от изумления. Никогда ещё музыка не будоражила в нём его лучшие воспоминания. Он мечтая о чём-то так и остался сидеть на корточках у двери пока ребята не закончили играть.

Вечером Алёшка с Лисой исполнили «Пьесу для Ложки, Крышки и Свирели» маме. Она тоже слушала замеры. Когда очнулась, предложила Алёшке показать пьесу дирижёру оркестра.

Дирижёр – самый важный человек в оркестре. Он создаёт репертуар, принимает музыкантов в коллектив. Главное, именно он решает, что будет исполнять оркестр.

Дирижёр долго смеялся над предложением Алёшки.

– Милый мой, это оркестр! – подняв, указательный палец и, устремив взгляд куда-то далеко в небо, воскликнул он. – Оркестр! Отнюдь не домашняя кухня! Мы здесь борщи не варим! Мы создаём великое искусство! Следующий концерт посвящён музыке Альфреда Шнитке, очень сложное произведение, готовьтесь Алёша, у вас сольная партия. Идите, молодое дарование!

На первой же репетиции коллектив оркестра понял, насколько трудную музыку им придётся играть. Музыканты нервничали, переругивались. После шести часов репетиций уходили домой нервными почти не разговаривая друг с другом. Через неделю, когда атмосфера в коллективе готова бы-

ла взорваться грозой и молнией, Алёша решил дать оркестрантам немного отдохнуть. Попробовать, пусть на смех, но сыграть в перерыве свою «Пьесу для Ложки, Крышки и Свирели». Он заранее договорился с Лисой. Девочка прибежала в филармонию ровно к назначенному часу, прихватила Серебряную Ложку и Крышку от кастрюльки.

Оркестранты лениво вынимали из кейсов припасённые бутерброды, термосы с чаем. Дирижёр обычно обедал вне оркестра. Как только он покинул своё место и ушёл из зала, Алёшка встал за пульт, приготовил Свирель. Лиса с Серебряной Ложкой и Крышкой на маленьком стульчике примостилась у ног брата.

– Давай, Алёшка, сыграй нам свою кухонную пьесу! – выкрикнул с места солист оркестра, его первая скрипка. – Повысь аппетит! Тошно как-то!

Алёшка заиграл. В волны мелодии Свирели, как в ко-су, вплелись переливчатые звоны другого, незнакомого звука. Музыка заполняла собой всё пространство. Она взлетала и падала, разбиваясь хрустальными брызгами о стены и потолки зала. Это была музыка туманных гор, натянутой тетивы, звенящего под лыжами холодного снега.

Оркестранты, затаив дыхание, слушали мелодию Свирели, Серебряной Ложки и Кастрюльной Крышки. Бутерброды остались не надкушенными, чай не выпитым.

Из оцепенения коллектив вывел голос дирижёра. Он вернулся, как только услышал первые звуки Свирели:

– Bravo, Алёшка! Bravo, Лиса! Bravo, молодое дарование!
Музыканты молча встали, подняли инструменты. Так они выражали восхищение.

* * *

Прошло время. Алёшка вырос, стал солистом оркестра, его первой свирелью.

Коллектив приглашали в другие города часто, с удовольствием. Лиса тоже ездила с братом на гастроли. Она стала хорошим художником. Куда бы они ни приезжали, всегда в фойе концертных залов выставлялись её картины. И везде большим успехом пользовалась «Пьеса для Ложки, Крышки и Свирели». Директора концертных залов требовали, чтобы пьеса была включена в репертуар оркестра обязательно. Если в афише концерта указывалась Алёшкина пьеса, в залах не было свободных мест. По непонятным причинам она имела не только музыкальный, но и гастрономический успех. Слушатели, отхлопав себе ладоши, бежали в буфет, с необыкновенной скоростью поедая всё, что в нём продавалось. А как же по-другому? Крышка оставалась верна своей первой специальности – быть крышкой от кастрюли, в которой готовится аппетитное кушанье.

Сама Кастрюльная Крышка больше не участвовала в приготовлении еды, она гордо покоилась в кожаном футляре на бархатной салфетке. Её берегли как зеницу ока.

О кошке и собаке

Кошка, по прозвищу Дунька, лежала на самом краешке крыши одноэтажного дома. Казалось, она легла погреться на солнышке и нечаянно заснула. На самом деле, это было не так. Дунька притворялась спящей: с неё уже стекал седьмой пот, и шерсть накалилась так, что сил не было терпеть, а спать вовсе не хотелось, хотелось есть!

Еда была, но не у неё. Еда стояла у собачьей будки. Из миски тянуло тёплым парком и нестерпимо пахло. Пахло вкусным свежесваренным мясом! Кошка ждала момента, когда можно будет выхватить из миски кусок и хоть немнож-

ко поприжать голод. От голодухи болел живот, и что хуже всего – он урчал, с каждым часом всё громче и громче.

– За что? – думала Дунька. – За что, со мной так?! Почему эту чёрную лахудру кормят, а меня нет?

Под лахудрой кошка подразумевала громадную собаку породы чёрный терьер. Дунька лукавила, она знала, почему её не кормят. В один из дней, кошка перестала ловить мышей. Тогда хозяин отказался её кормить. Не нравились кошке сырые мыши! Мало того, невкусные, так ещё нужно гоняться за ними по всему подвалу.

– Лахудре миску ставят прямо под нос! – с возмущением думала кошка Дунька, и от злости хвост её покрывался мурашками, – Я почему-то должна добывать пропитание сама! Почему? Чем я хуже лахудры?

У Лахудры тоже было имя, хозяева звали её Тоськой. Она была не просто огромная, а огроменная, с длинной чёрной кудрявой шерстью по всему телу, и даже на голове, отчего совершенно не было видно глаз. Невозможно было понять – наблюдает Тоська за кошкой или нет. Иногда, казалось, что нет. Тогда Дунька тихонько подкрадывалась к миске и тут же получала лапой по морде. Так и ходила по двору от шишки до шишки, от синяка до синяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.